

Когда через несколько дней Цзи Кай увидел первые снимки, присланные режиссером на телефон Ли Вэйдуну, он и сам обомлел от собственной зашкаливающей сексуальности и наконец понял, почему Ли Вэйдуну в тот день ходил с такой мрачной миной.

И все же съёмки тогда завершились успешно. В машине по дороге домой Цзи Кай без конца успокаивал своего ревнивого директора:

— Я-то думал, мы до конца дня не закончим. Ты сегодня был просто молодец, так меня поддержал. Спасибо тебе.

Директор Ли, как всегда, совершенно не умел принимать похвалу: стоит его похвалить, как он тут же оттаивает. На его щеках выступил легкий румянец, и он с немного смущенным, но преувеличенно серьезным видом произнес:

— Я... я просто подумал, что это новый жизненный опыт. И для тебя, и для меня.

Ого? Цзи Кай искренне удивился. Насколько он успел узнать Ли Вэйдуну, тот был типичным консервативным домоседом, из тех, кто предпочитает обнять Медвежонка и спокойно жить своей размеренной изо дня в день жизнью.

Какой еще «новый жизненный опыт»? Единственное новое, что директор Ли согласился бы попробовать, — это разве что новый кулинарный рецепт.

— Ну... я тут на днях прочитал одну книгу, и кое-что из написанного там... мне показалось очень правильным. Когда я встретил тебя, мне уже было двадцать шесть. Столько времени в этой жизни ушло впустую до нашей встречи! Поэтому я хочу ценить каждый день, который мы проведем вместе дальше.

— Я хочу пробовать и проживать вместе с тобой самые разные вещи. Как сегодняшняя съёмка... хотя... если ты еще хоть раз вот так кому-нибудь улыбнешься, я правда разозлюсь! И все же... давай стараться не ссориться, потому что время, отведенное нам вместе, не должно уходить на ссоры, так что...

Профессор Цзи был просто покорен его милым и горделивым видом. Он притянул его к себе и стал обнимать и гладить:

— Ничего-ничего. Порой и милые бранятся — только тешатся. С тобой мне хорошо и когда мы радуемся, и когда спорим, ничего из этого не потрачено впустую.

К концу утра занятия уже завершились, но в кабинете еще оставалась кое-какая работа, с которой нужно было разобраться.

Во время тридцатиминутной большой перемены моросил весенний дождь. Профессор Цзи вышел на крыльцо учебного корпуса, вспомнил, каким сияющим и счастливым выглядел в тот день его Деревянная кукла, когда он его задобрил, и поневоле улыбнулся. На душе было тепло и мягко.

Ну надо же! Ведь Ли Вэйдуну придет за ним уже в обед, они увидятся всего через пару часов. И почему же ему так сильно хочется увидеть его прямо сейчас?

Достав телефон, он собирался набрать в чате «Я скучаю по тебе», но внезапно первым получил сообщение точно такого же содержания:

«Я скучаю по тебе».

«И я по тебе. Сердечко, сердечко, сердечко».

Влюбленность — это так сладко. Настолько сладко, что Цзи Каю вдруг захотелось прогуляться под дождем.

Прикрыв лоб учебником в мягком переплете и не обращая внимания на капли дождя, он неторопливо пошел по Кленовому бульвару университета в сторону своего кабинета, попутно любуясь пышным апрельским цветением.

Пятиминутный путь занял у него добрых минут десять. Отлично скроенный костюм прилип к телу, от собственного тепла от него исходила влажная и приятная истома... И тут он неожиданно кого-то увидел.

Обхватив колени, с сумкой, мокшей неподалеку на земле, этот человек, словно промокший насквозь кот, сидел, понутив голову, на ступенях возле его кабинета.

Это был старый корпус университета, место довольно глухое, а плющ на стенах под дождем казался сочно-зеленым. Цзи Кай по мере приближения разглядывал блестящие следы воды на его одежде, пока наконец не почувствовал легкий холодок.

Цзи Кай остановился. Человек медленно поднял голову. То ли попытался улыбнуться, то ли нет — его глаза были налиты кровью.

В следующую секунду он внезапно рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в Цзи Кая. Тот даже не успел среагировать, едва удержался на ногах — казалось, ему сейчас переломают все кости.

— Братец Кай, это всё моя вина.

— Это всё моя вина, не бросай меня, хорошо?

Чжу Лин на самом деле вовсе не планировал говорить этого.

Он долго, в полузабытьи, прокручивал в голове множество слов — убедительных, обоснованных, как ему казалось, способных склонить Цзи Кая на свою сторону. Но стоит ему увидеть Цзи Кая, как все эти фразы мгновенно улетучились.

И в этот миг на него словно снизошло озарение.

Бесконечные упреки, сомнения, те саркастичные слова, что ранили и его, и других, — всё это никогда не было искренним.

Ему давным-давно следовало сказать это. Чем он вообще занимался всё это время?

И правда, надо было давным-давно признаться ему именно так.

Цзи Кай был в хороших отношениях с тренером по тайскому боксу и перенял от него немало приемов захвата и освобождения.

Так что справиться с нескладным порывом Чжу Лина не составило никакого труда: он одним плавным движением заломил ему запястье и оттолкнул от себя. Ни одного лишнего движения, даже силы толком не пришлось прикладывать.

Сам он отступил на полшага назад, полностью восстановив безопасную дистанцию.

Мужчина перед ним стоял под дождем во всем черном и выглядел весьма хрупким. Он качнулся, замер и уставился на него с растерянностью, казавшейся до того настоящей, что Цзи Кай на мгновение вспомнил сцены из старых фильмов.

Жаль только, что это была не грустная история, а всего лишь фарс, и столь драматичные декорации пропадали зря.

Цзи Кай тихо вздохнул.

Возможно, любой человек, отдавший свое сердце и предательски раненный, хоть раз фантазировал о подобной сцене:

Что однажды ослепший бывший, предавший такого красивого, благородного, доброго и милого тебя ради какого-то уродливого недоразумения, наконец опомнится. А затем примчится к тебе на радужном облаке, разрыдается, как побитая собака, умоляя о прощении, и месть твоя восторжествует.

Цзи Кай в глубине души тоже был обычным человеком.

Прежде чем погрузиться в счастливую семейную жизнь с директором Ли и Ежиком, он и сам не раз втайне проигрывал в голове возможные сценарии этого дня.

Он даже угадал, что день будет пасмурным, промозглым и дождливым, у стены с плющом возле его кабинета, и что у Чжу Лина снова будет что-нибудь блестеть на одежде, волосы растреплются, тело будет дрожать, а глаза покраснеют.

Он был готов к очередным упрекам, попыткам вызвать жалость, безупречной актерской игре «лучшего актера» и самым замысловатым уверткам.

С первого раза трудно, со второго — привычно. Пройдя через две стычки — в парке развлечений и в супермаркете, — Цзи Кай, как сдержанный эмпирик, уже досконально изучил нужную схему действий:

Всё просто: хладнокровно разоблачить, жестко отвергнуть, а затем вовсю продемонстрировать новые отношения и показать, как он счастлив. По сути, повторить схему из супермаркета, только в еще более беспощадном варианте.

Но он никак не ожидал одного.

Чжу Лин и на этот раз сыграл не по правилам.

...

Позже, пораскинув мозгами, Цзи Кай понял, что Чжу Лин вообще никогда не действовал по правилам и вечно преподносил «неожиданные сюрпризы».

Например, когда тебе казалось, что он души в тебе не чает и любит без памяти, он во всей красе изменил; а когда ты решил, что там, на стороне, у него «настоящая любовь», и собрался отступить, он со слезами приполз молить о пощаде.

Сразу после развода, когда все друзья были уверены, что он страдает, кается и вот-вот бросится умолять Цзи Кая вернуться, он просто взял и уехал за границу. А когда всё уже

давным-давно остыло и сгнило, вернулся и снова принялся донимать его и обвинять во всех грехах.

Судя по поведению Чжу Лина после возвращения в страну, Цзи Кай был практически уверен:

Тот человек, которого он когда-то любил, давным-давно умер.

Нынешний Чжу Лин, словно одержимый нечистой силой, стал высокомерным, злобным и мог не задумываясь растоптать всё их прошлое. Его бесконечные преследования происходили вовсе не от любви — лишь от упрямства и задетого самолюбия.

И надо же было именно сейчас, среди этого морозящего дождя...

Вымокший мужчина даже не шелохнулся. Он просто глупо стоял на месте и заворуженно смотрел на него.

Взгляд его медленнo менялся. Хотя еще мгновение назад, поднимая голову со ступеней, он смотрел злобно, с обидой и затаенной горечью, теперь в этой тишине, словно в замедленной киноленте, его взгляд оттаивал, становился чистым и невинным. Будто старинная масляная картина, долгие годы пролежавшая в земле, под этим дождем наконец смыла с себя грязь и копоть, явив миру свои изначальные краски.

Это была поистине удивительная перемена.

Порыв резкого ветра заставил плющ зашуршать. В сыром воздухе повеяло едва уловимым ароматом «Си-Кей уан саммер», и Цзи Кай внезапно вздрогнул. Злорадный шепоток в его голове тихо спросил: «Смотри, неужели он вернулся?»

«Тот юноша, которого ты любил, кажется, и правда вернулся».

...

...

С Чжу Лином, изрыгающим ложь, или Чжу Лином в фальшивой маске было легко справиться.

Но этот внезапный спектакль в духе «былая любовь вернулась» застал его врасплох. А затем вернулся и голос Чжу Лина — хриплый и надрывный в шуме дождя:

— Братец Кай, это моя вина. Это всё моя вина.

<http://bllate.org/book/18382/1767891>